

Н. С. ДЕМКОВА

Из комментария к «Книге толкований» Аввакума (тема пророка в ранней старообрядческой публицистике)

Одним из очевидных условий исследования своеобразной стилистической манеры Аввакума и системы его взглядов является установление литературных источников его сочинений, выявление текстов, оказавших влияние на его суждения и образные характеристики. Эта задача решается и в различных комментариях к изданиям сочинений Аввакума,¹ и в обобщающих обзорах и исследованиях, описывающих своеобразие его стиля,² и в многих специальных работах,³

Нами была предпринята попытка (она осознавалась как предварительное условие изучения литературного наследия Аввакума) воссоздать круг чтения Аввакума, указать перечень текстов и книг, использованных в его сочинениях.⁴ Очевидно, однако, что этот список источников не является окончательным и нуждается в продолжении и уточнении, а отдельные аспекты этой проблемы нуждаются в специальном изучении.⁵ Настоящая заметка посвящена выявлению неизвестного ранее литературного источника,

¹ См., например, исследовательские комментарии французского слависта П. Паскаля к парижскому изданию перевода «Жития» Аввакума на французский язык (*La vie d'archiprêtre Avvakum, écrite par lui-même*. Paris, 1938), А. Н. Робинсона (*Жизнеописание Аввакума и Епифания*. М., 1963), И. М. Кудрявцева (*Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников* // *Зап. ОР ГБЛ*. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212), Н. С. Демковой и Л. И. Сазоновой (*Пустозерский сборник: Автографы Аввакума и Епифания*. Л., 1975. С. 228—243, 243—249), и др.

² См., например: Бороздин А. К. *Протопоп Аввакум*. СПб., 1898; Виноградов В. В. *О задачах стилистики: Наблюдения над стилем «Жития протопопа Аввакума»* // Виноградов В. В. *О языке художественной прозы*. М., 1980. С. 3—41, и др.

³ См., например: Robinson A. *Avvakum et Dorothee (a propos des sources littéraires de la Vie d'Avvakum)* // *Revue des études slaves*. Paris, 1961. Т. 38 (*Mélanges Pierre Pascal*). P. 165—171.

⁴ Сарафанова Н. С. *Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума* // *ТОДРЛ*. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 329—340.

⁵ Так, в результате исследований последнего времени выявлен характер глубинных связей сочинений Аввакума с текстами апостола Павла (Герасимов Н. М. *К проблеме авторской индивидуальности в стиле сочинений протопопа Аввакума* // *Проблемы литературных жанров: Материалы четвертой научной межвузовской конференции*. 28 сентября—1 октября 1982 г. Томск, 1983. С. 21—23) и Иоанна Златоуста (Сесейкина И. В. *«Книга бесед» протопопа Аввакума как памятник полемической литературы XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 1991).

отразившегося в «Книге толкований» Аввакума, созданной им в Пустозерске в период с середины 1670-х гг. до 1677 г.⁶

Одним из колоритных фрагментов этой «Книги», содержащей обширный комплекс истолковательных сочинений Аввакума и все еще не изученной, является непосредственное обращение Аввакума к царю Алексею Михайловичу с призывом покаяться в совершенных им грехах, и прежде всего — в грехе церковной реформы и в жестоких гонениях на старообрядцев. Апеллируя к библейской истории, Аввакум в качестве убедительной (и популярной в литературе средневековья) параллели использует сюжет покаяния царя Давида согласно рассказу Библии (II Книга Царств, XII, 1—13); пророк Нафан, посланный Господом, обличает Давида за убийство и блуд (Давид, чтобы овладеть прекрасной Вирсавией, отправил на верную смерть ее мужа, своего военачальника Урию): «И посла Господь Нафана-пророка к Давиду. И вниде к нему и рече ему: „Два мужа беста во едином граде, един богат, а другой убог...“. Пророк, требуя суда, рассказывает царю притчу о богатом, имевшем много стад, но укравшем единственную овцу у бедняка. Разгневанный Давид осуждает грабителя на смерть, а после обличения Нафана раскаявается: «И рече Давид к Нафану: „Согреших ко Господу!“ И рече Нафан к Давиду: „И Господь отъя согрешение твое, не умреши“».

Изложение этого сюжета в «Книге толкований» Аввакума существенно отличается от библейского рассказа. Помимо ряда стилистических переделок и дополнений, цель которых кратко охарактеризовать душевное состояние пророка и царя-грешника («глагола пророк пророку *со дерзновением*», «*возопи Давид ко Господу*»), Аввакум включает в свое изложение эпизод, отсутствующий в Библии: царь Давид обращается к пророку *за советом* и видит вооруженного ангела, угрожающего ему: «„О Нафане, что сотворю?...“ И глагола ему Нафан: „Возри вспять и виждь осуждение твое!“ Обозрев же ся Давид, виде над собою ангела, оружие наго держа, хотя его за беззаконие посеци. И возопи Давид ко Господу: „Помилуй мя, Боже...“» (РИБ, 474).

Не обнаружив этого эпизода — явления ангела с обнаженным мечом — ни в Библии, ни в Хронографе, исследователи допускали мысль о возможном авторстве Аввакума. Так, А. С. Елеонская писала в комментарии к «Книге толкований»: «Этого эпизода нет ни в Библии, ни в Хронографе. Вполне возможно, что авторство его принадлежит самому Аввакуму, который очень вольно обращался с текстом Священного Писания».⁷ Однако источник этого эпизода может быть указан, им является «Историческая Палея».⁸ «Ис-

⁶ «Книга толкований» полностью издавалась дважды: 1) П. С. Смирновым: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. I, вып. 1 // РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 425—576 (тексты Аввакума цитируются по этому изданию, указания на столбцы даются в тексте); 2) Н. С. Демковой и И. В. Сесейкиной: Старейший (печорский) список «Книги толкований и нравочений», найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 74—146.

⁷ Елеонская А. С. Комментарий к фрагментам «Книги толкований» // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 402; при переиздании — Иркутск, 1979. С. 306. Ср. более осторожный комментарий М. Б. Плюхановой: «Излагается эпизод из II Книги Царств, гл. XII. Явление ангела отсутствует как в ней, так и в соответствующей главе Хронографа» (Плюханова М. Б. Комментарий // Пустозерская проза: Сборник / Сост., предисл., коммент., пер. отдельных фрагментов М. Б. Плюхановой. М., 1989. С. 387).

⁸ См.: Книга бытия небеси и земли (Палея историческая) // ЧОИДР. М., 1881. Кн. 1. С. 161—163. Палея историческая вошла в опубликованный перечень источников сочинений Аввакума, составленный нами (см. сноску 4, с. 332). Совпадение с текстом Палеи может быть отмечено также в редакции В «Жития» Аввакума: упоминая здесь о пророчице Деворе, Аввакум называет ее «мужеумная» (РИБ, 234), что соответствует тексту Палеи (ср. с. 146). В библейском источнике (Книга Судей, V) этот эпитет отсутствует.

торическая Палее» послужила также источником описания состояния Нафана перед обличением (в «Исторической Палее»: «пророк прия дерзость и рече», у Аввакума: «глагола пророк... со дерзновением»). Следуя сюжетной линии «Исторической Палеи», Аввакум дает, однако, собственную интерпретацию образов пророка-обличителя и царя-грешника.

Во-первых, в изложении Аввакума отсутствует указание на то, что пророк Нафан был послан к царю Давиду Богом и что он длительное время не решался идти обличать царя, опасаясь мести с его стороны (как это излагается в Палее). Аввакум, напротив, подчеркивает мужество пророка Нафана и решительность: «Таже вниде к нему Нафан-пророк, и глагола пророк... со дерзновением».

Во-вторых, новым моментом в изложении Аввакума является обращение царя Давида к Нафану за советом: «О Нафане, что сотворю?». Этого обращения нет ни в Библии, ни в Палее.

Желая создать образ сурового пророка, без сожаления вещающего о неизбежности и неумолимости Божьего гнева, Аввакум, вводя эпизод с ангелом, занесшим меч над головой Давида, придает ему совершенно другой смысл. В Палее пророк колеблется, и ангел с мечом выступает как сила, способная поддержать колеблющегося пророка («Поиди, видиши бо мя пред собою! Да аще царь обличение отобьет, то и аз убию его»). Пророк решает на обличение царя, только рассчитывая на эту вооруженную помощь: «Виде ангела, держаща наг меч и стояща съзади царя, яко отъубити обличение и внезапно убиет его; и яко виде ангела, прия дерзость».

У Аввакума этот мотив — поддержка ангелом колеблющегося пророка — отсутствует, ангел — носитель Божьего гнева, он хочет сечь Давида «за беззаконие». Отсутствие мотивировки Палеи несомненно усиливало значительность и силу образа пророка, бесстрашно вещающего правду царю.

Рассмотренный фрагмент «Книги толкований» Аввакума — один из многих пассажей в ее тексте, разрабатывающих важнейшую для публицистики раннего старообрядчества тему пророка. Напомним в этой связи о сочинениях другого пустозерского узника — священника Лазаря, описавшего в челобитной царю явление ему в темнице пророка Ильи и уподоблявшего себя ему.⁹ Эта тема была одной из ведущих тем всей литературной деятельности Аввакума, позволявшей ему анализировать и оценивать современные события.¹⁰ Следует специально отметить, что образы ветхозаветных пророков — третья модель социального поведения, существующая в сознании Аввакума наряду с сакральными фигурами апостола Павла и неустрашимого борца за справедливость Иоанна Златоуста. В сочинениях Аввакума и его единомышленников возникают — как образцы и модели социального поведения — эпические фигуры ветхозаветных пророков, священников и мирян, бесстрашно несущих людям слово правды, глубоко ощущающих свою личную ответственность за все, происходящее в мире.

Эта тема писателя-пророка стала одной из кардинальных тем русской литературы нового времени, она стимулировала многочисленные обращения русских поэтов к библейским текстам. Аввакум был их непосредственным предшественником в разработке «пророческой» темы.

⁹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, собранные под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 7. С. 171—174.

¹⁰ Создавая последнюю редакцию своего «Жития» в 1675 г. (редакцию В), Аввакум уже не только ощущал себя пророком, но и прямо называл: «...приказал Бог робенку, и он, Богом подвизаем, пророка от смерти избавил» (РИБ, 234; речь здесь идет о спасении самого Аввакума).

В этой связи следует отметить особый интерес Аввакума к тексту библейской Книги пророка Исайи, много десятилетий спустя вдохновившей А. С. Пушкина на создание программного стихотворения «Пророк». Аввакум дважды — в сочинении 1672 г. «Снискание и собрание о божестве и о твари» и в «Книге толкований» (она создавалась с 1673 по 1676 г.) — обращается к библейскому эпизоду (Ис., VII, 14), переработанному впоследствии и А. С. Пушкиным: «И рече Господь: „Кого пошлю людям моим, Израилью, возвестить волю мою и хотение мое?“ И рече Исайя: „Се аз! Посли мя, Господи!“ И херувим, взяв уголь горящ от престола Господня, и прикоснулся устам Исаиным. Он же возопи... и начат прорицати к людям...» (РИБ, 655; ср. в «Книге толкований»: «...и един от предстоящих взял клещи и от престола уголь горящий, и прикоснулся устом моим, рече пророк, и возопив... И нача паки пророчествовати...» — РИБ, 480). Отмечаемый параллелизм текстов Аввакума и Пушкина — их внимание к одному и тому же библейскому тексту — любопытный историко-литературный факт, позволяющий более полно характеризовать литературные традиции русской классической поэзии. Одновременно это совпадение существенным образом характеризует и литературную чуткость Аввакума — читателя Библии, и его убежденность в общественной значимости своего писательского труда.